

4 апрель 1954

МУРЗИЛКА

т. Ляпидевский

т. Леваневский

т. Слепнев

т. Каманин

Герои Советского Союза

т. Доронин

т. Молоков

т. Водопьянов

В редакциях всех газет и журналов в эти замечательные дни непрерывно звонил телефон.

Ученые, рабочие, колхозники, красноармейцы, школьники — все хотели знать самые последние новости.

Один малыш позвонил поздно вечером, когда в редакции остался только сторож.

— Двадцать два человека, — ответил сторож.

— Нет, — сказал мальчик, — у меня самые последние сведения — осталось шесть и собаки. Вы не знаете, какая там погода?

Назавтра, с утра, на улицах, в трамваях, в цехах, в поездах, в шахтах, в школах все радостно говорили:

— Вы знаете? Они уже все на берегу! — И даже незнакомые поздравляли друг друга:

ЧЕЛЮСКИНЦЫ СПАСЕНЫ

Они пробивались сквозь льды Полярного моря, чтобы проложить дорогу советским кораблям на дальний север. Они шли, чтобы изменить жизнь темных и бедных северных народов; они шли, чтобы победить суровую природу и научиться управлять ею. Они делали советское общее дело. Они стали родными всей стране.

Далеко в Северном полярном море медленно движется льдина. Над ней, на одинокой вышке развевается красное знамя Советов. Это знамя говорит всему миру о новой победе большевиков.

Совсем недавно в полярную ночь, в пургу сто один человек, отрезанные от всего мира на льдине, мужественно боролись за жизнь. Они твердо знали, что большевики их страны спасут их.

Ученые, матросы, машинисты, кочегары, механики, радисты, летчики — все торопились на помощь челюскинцам.

Под угрозой гибели были родные всем, храбрейшие люди страны. Во что бы то ни стало их нужно было спасти.

Впереди, над тайгой, сквозь пургу и ледяной туман на бесстрашных самолетах мчались летчики. Они терпели лишения. Сорокаградусный мороз сковывал самолеты, северные ветры пытались сбросить их. Но летчики неустрашимо летели вперед.

Семеро прилетели первыми. Ничто не могло остановить их. Они спасли челюскинцев.

Семь славных имен героев Советской страны повторяет теперь весь мир.

м у р з и л н а

ГОД ИЗДАНИЯ ОДИННАДЦАТЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЕТГИЗ. Москва. Центр. 68. Тел. 71-88

Обложка худ. Р. Барто

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

МАРТ 1934

№ 4

ПОХОД „ЧЕЛЮСКИНА“

XX 63
II

Рассказ И. Сельвинского
Фото Трояновского

(Участников экспедиции на „Челюскине“)

Начальник экспедиции на пароходе „Челюскин“
Отто Юльевич Шмидт.

Пароход „Челюскин“ во льдах Карского моря.

Яранги—жилища чукчей на берегу Чукотского полуострова.

На крайнем севере нашей страны лежат земли, которые омываются Северным полярным морем. Зиму и лето оно покрыто льдами. На берегу этого моря живут чукчи и эскимосы. Они бьют белого медведя, моржа, тюленя и питаются их мясом. Одежда их сшита из мехов, а живут они в палатках, покрытых кожами морских зверей.

В царское время чукчи и эскимосы жили, как дикари. Купцы приезжали к ним раз в году и спаивали их водкой, чтобы за бесценнок скупать меха медведей, лисиц.

Но большевики заботятся обо всех народах. Даже о самых маленьких. Поэтому они решили сделать так, чтобы чукчи и эскимосы жили, как мы с вами. Чукчи никогда не видали хлеба—им надо привезти хлеб. Они варят пищу на костре—им надо привезти керосин для примуса. Они плавают на лодках, сделанных из тюленьей кожи,—им надо доставить моторные ботики.

Железных дорог у чукчей и эскимосов нет. Все эти товары нужно привозить на пароходах. Но пароходы могут к ним притти только по Ледовитому океану. А это очень трудно, потому что море покрыто огромными льдинами.

Но большевики не боятся трудностей. И вот 16 июля 1932 года мы вышли из Ленинграда на пароходе „Челюскин“, чтобы пройти через Полярное море до Берингова пролива.

Пароход „Челюскин“ был очень большой и удобней. Он напоминал пловучую гостиницу. В нем было много кают, каждая на два человека, столовые, красный уголок, библиотека, ванне комнаты.

На задней части корабля, которая называется „кормой“, был устроен скотный двор. Там мычали 14 коров, хрюкали поросята, орли петухи. Там пахло сеном и навозом. Эти деревенские запахи особенно приятны в далеких льдах полярных морей, потому что напоминают о земле.

В первый раз мы увидели лед в Карском море. Это было утром 13 августа. Мы столпились на капитанском мостике и молча смотрели вдаль. Было тихо, ясно и солнечно. И вот навстречу пошли маленькие

Челюскинцы спускают шлюпки, чтобы подъехать к вновь открытому острову.

Челюскинцы во главе с тов. Шмидтом на острове соорудили башню из камней и спрятали в ней бутылку с запиской.

„Челюскин“, затертый льдами в Чукотском море.

ослепительные льдинки. За ними неторопливо с лебединой осанкой выплывали небольшие снежные острова. Вода стала сразу нежно-голубого цвета. Корабль сбавил ход и некоторое время уклонялся от столкновений со льдами. Но вот наш путь преградила длинная ледяная коса. Обойти ее было невозможно. Тогда, разогнав корабль, наш капитан решил врезаться в лед и разбить его. „Челюскин“ послушно выполнил задание. Он дрожал всем корпусом. Он почти извивался. Лыдина скрежетала в борту со звуком точильного камня. Наконец она дала трещину и мягко развалилась надвое. Мы снова вышли на чистую воду. Но льды стали встречаться чаще и чаще. Они становились все более мощными. Теперь уже разбить их было невозможно. Приходилось выбирать водяные лазейки и протискиваться в них, расталкивая льды.

24 августа перед нами неожиданно открылась земля. „Челюскин“ подошел к ней и остановился на расстоянии двух миль. На воду были спущены две шлюпки-ледянки. Ледянками называют такие лодки, у которых есть деревянные плавнички. Если такую лодку вытащить на льдину, она не свалится на бок, потому что плавнички служат ей подпорками.

Вот на таких-то двух шлюпках мы и двинулись к острову. Вокруг нас со стремительной быстротой мчались огромные льдины. Они имели пещеры, водопады, ледяные мосты и снежные лужайки, исхоженные медвежьим шагом. Но как бы велики они ни казались, на самом деле льдины были еще грандиозней. Над поверхностью моря возвышалась только одна седьмая их часть, остальные же шесть седьмых уходили под воду. Колоссальные льдины неслись друг на друга, сталкивались и расходились снова. И между этими льдинами рискуя каждый миг быть раздавленными, юлили наши шлюпки, добираясь к берегу. Время от времени мы выскакивали на лед и вытаскивали на него шлюпку. Затем, когда льды расходились, мы снова спускали шлюпку на воду и снова плыли вперед. Через три часа мы были на берегу.

Остров оказался небольшим, пологим с севера и высоким с юга. На нем попадались следы медведей и песцов. Нашли пару оленьих рогов. Обследовав остров, мы нанесли его на карту. Потом по обычаю полярников соорудили из камней башню и спрятали в ней бутылку с запиской. В записке было написано название нашего корабля, имена всех челюскинцев, посетивших остров, и научное

определение его места. К вечеру мы снова возвратились на пароход.

Так пробивались мы из моря в море, расталкивая льды. Но вдруг 23 сентября у маленького острова Колючина движение „Челюскина“ прекратилось. Он оказался зажатым огромным ледяным полем. Все море до горизонта было покрыто сплошными льдами. Ни полыней, ни разводьев. Лед, лед, лед...

Мы пробовали рвать его взрывчатым веществом, чтобы вызвать трещину. Но напрасно. Взрывы образовывали проруби, и только. Так продолжалось двенадцать дней.

Однажды к нам на корабль приехали на собаках чукчи. Они приехали пить чай. Они часто ездят друг к другу в гости за много километров. Вот и к нам на корабль они приехали за 25 миль. Мы их встретили очень радостно. Чукчи были чрезвычайно довольны. Ходили, осматривали корабль, все трогали пальцами. Я вышел из каюты, погасил электричество. Через десять минут я увидел в своей каюте свет. Нажимаю ручку — дверь открыта. Вхожу — а у меня чукчи. Сидят на диване, покуривают.

Прошло еще два дня. „Челюскин“ стоял без движения. Неподвижно лежали ледяные поля. Тогда наш начальник т. Шмидт решил отправить первый отряд на мыс Уэллен. Этот отряд должен был организовать собачьи упряжки и посылать их к „Челюскину“. За первым отрядом должен был на этих собаках пойти второй, за ним третий. В конце концов на зимующем корабле остались бы только командный состав и матросы, а все научные работники перешли бы работать на берег.

Первый отряд состоял из трех человек. В нем был и я. Утром 3 октября сошли мы на лед. Впереди шел чукча, за ним гуськом двигались мы, за нами собаки. Собак было мало, вещей разрешали взять с собой всего один килограмм и немного продуктов. На каждого человека приходилось в день: полбанки консервов, две галеты и стакан горячего какао. И вот мы пошли. „Челюскин“ провожал нас гудками и ружейным салютом; вся экспедиция и команда выстроилась на льду у носа корабля и кричала нам: „Счастливого пути!..“

Мы помахали им шапками и быстро двинулись в путь. Через десять минут „Челюскин“ потерял нас из виду. Мы шли между огромных ледяных скал, как по узким и кривым улочкам. Очень часто приходилось прыгать со льдины на льдину. Иногда мы про-

валивались глубоко в снег, иногда по горло в воду. Итти становилось все трудней и трудней. Пришлось сбросить бараньи тулупчики и, несмотря на холод, итти налегке. Вдобавок наши саночки часто застревали в ледяных щелях. Приходилось их вытаскивать и помогать собакам. Это еще больше нас изнуряло.

Первую ночь мы спали на льду. На льду спят обычно в кукулях. Это огромный мешок с оленьим или собачьим мехом внутри. В такой мешок залезают с головой и спят. Но у нас на четырех человек был один мешок. Спать приходилось по очереди. Двое ходили по льду взад и вперед, чтобы не замерзнуть. Так прошли мы 280 километров и спустились к мысу Дежнева. Там нас ждал ледорез „Литке“.

Покуда мы шли, нашего „Челюскина“ оторвало от льдины и понесло к Берингову проливу. Первое время мы с ним шли рядом. Мы по льду у берега, он километрах в пятнадцати выше. Мы стреляли в воздух, чтобы он нас заметил.

Но у мыса Сердце - Камень он снова застрял. Мы шли теперь одни до самого мыса Дежнева.

10 ноября „Челюскина“ вынесло в такое ледовое течение, которое грозило отнести его в льды северного полюса. Тогда „Челюскин“ попросил помощи у „Литке“. У „Литке“ была глубокая пробоина, и он при ударе о льдину мог затонуть. Но большевики не страшатся смерти. 11 ноября раненый „Литке“ снова пошел во льды. В этом походе приняли участие трое из челюскинцев: Муханов, Трояновский и я. Десять дней мы пытались пробиться к „Челюскину“. Мы едва не погибли. Но лед стоял вокруг „Челюскина“ стальным барьером. С огромными трудностями выбрались мы к мысу Дежнева, а „Челюскина“ отнесло в Чукотское море, где он был раздавлен льдами 13 февраля 1934 года.

Люди с корабля успели сойти на лед. Только один комсомолец Могилевич погиб.

Челюскинцы расположились лагерем на льду.

Они твердо знали, что наша страна сделает все возможное, чтобы спасти этих героев.

На спасение челюскинцев вылетели аэропланы, вышли пароходы, из Ленинграда двинулся славный ледокол «Красин».

И действительно, 13 апреля на льдине не осталось ни одного человека.

Их спасли герои Советского союза летчики: Ляпидевский, Леваневский, Молоков, Каманин, Слепнев, Водопьянов и Доронин.

Майским утром октябрюта
вышли с песней из ворот;
видят — тучею лохматой
застелило небосвод.

Говорят ребята туче:
— Ты плыви подальше лучше
Если дождик, — говорят, —
нас не пустят на парад.

Встала туча над заводом.
Видит — флаги над народом,
трубы дымом не дымят,
трубы медные гремят.

Говорит рабочий туче:
— Это что еще за случай?
Брось ты эту кутерьму!
Нынче дождь нам ни к чему.

Туча молнией сверкнула,
хмурясь, к морю повернула
и, ворочая крылом,
понеслась над кораблем.

Тут кричат матросы дружно:
— Слушай, нам дождя не нужно.
Ты отчаливай к земле.
Май у нас на корабле!

Проворчала туча громко,
сгоряча задела кромкой
маяка стеклянный глаз
и над степью понеслась.

И в степи погнажи тучу:
— Прилетай ты завтра лучше,
нынче всюду майский флаг,
праздник празднует кишлак.

МАЙ

Туча к горному аулу
с гулким громом повернула,
и встревоженный аул
весь откликнулся на гул:

— Не пугай нас, гром гремучий!
Уплывай подальше, туча,
улетай ты за Кавказ,—
видишь, день какой у нас?

От крутого перевала
туча снова уплывала
и спустилась черной птицей
за советскую границу,
над шеренгою солдат,
над бойцами баррикад.

С баррикад кричал рабочий:
— Слышишь, выстрелы грохочут?
В мае битвы горячи.
Ты нам ружья не мочи.

Туча мимо проплывала,
в целом мире побывала,
спелым ливнем набухая,
проносила над Шанхаем,
и над улицей австрийской,
и над степью австралийской,
над горами и лесами,
над крутыми корпусами...

А как солнце закатилось,
к октябрятам воротилась,
собралась с последней силой
и без сил ребят спросила:
— Есть ли где страна такая,
где б не праздновали Мая?

Говорят ребята туче:
— Не ищи такую лучше,
не летай из края в край,—
всюду мы встречаем Май.

Стихи М. Ивенсен
Рисунки М. Михаэлис
и Т. Шевченко

БОЕВОЙ ОТРЯД ИМЕНИ ДИМИТРОВА

Рассказ А. Чумаченко
Рисунки К. Козловой

1

Этого в третьей „Д“ не ожидал никто. Ну, пускай еще кляча, с этим кое-как можно было бы примириться, но черепаха! Нет! Это было уже слишком!

В этот декабрьский день третья „Д“ не затихала ни на минуту. Еще с лестницы было слышно, как жалобно причитала Женя Блейх, а сердитые выкрики Коли Павлова доносились до самой раздевалки.

— Я им покажу черепаху! — кричал Коля Павлов и размахивал в воздухе кулаком. — Они у меня не то что на черепахе, — на улитке поедут. Выдумали тоже! Нас на черепаху! Что мы, хуже их?

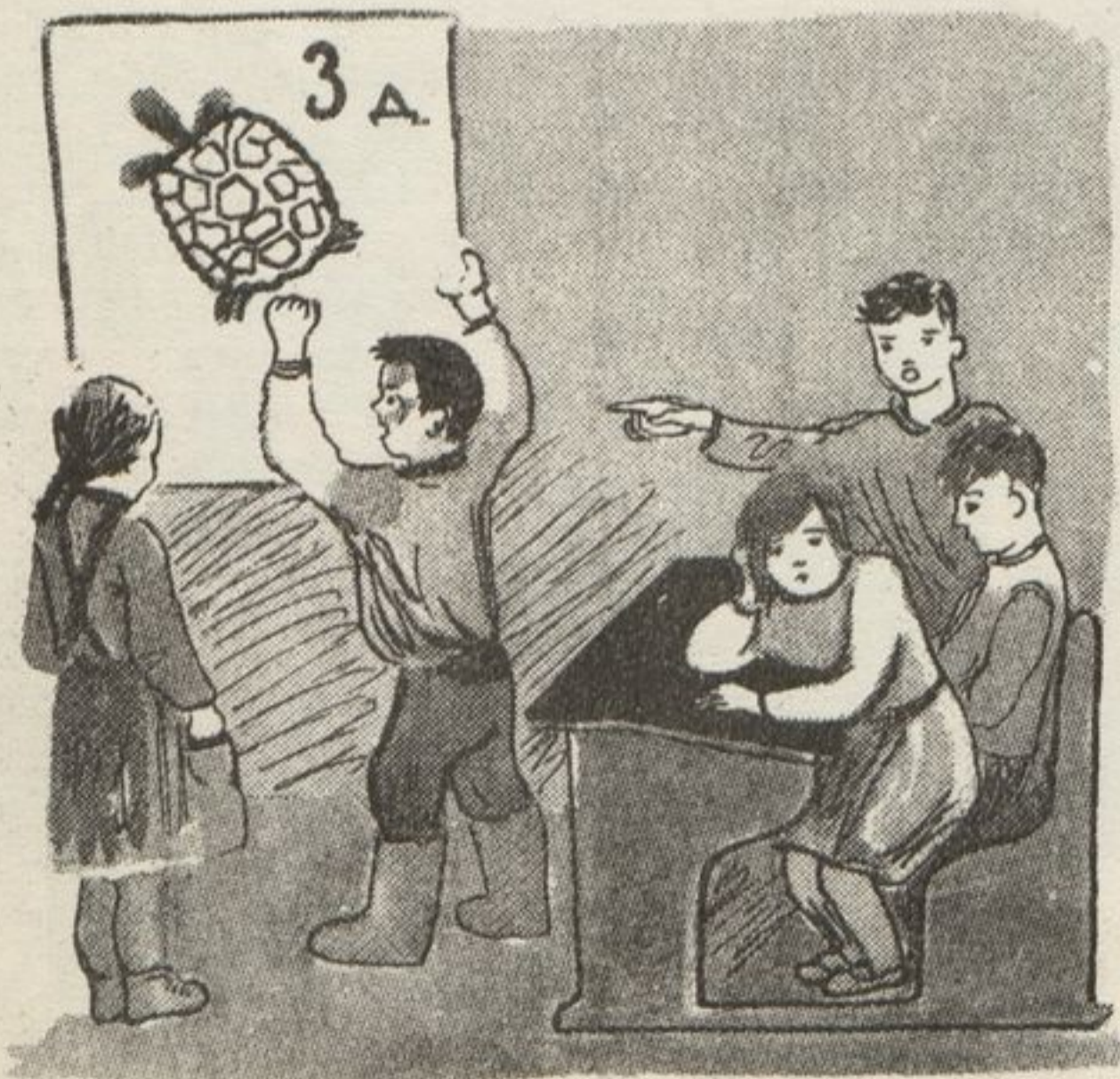
— Хуже, — жалобно отвечала Женя Блейх. — Хуже! Вон у тебя самого четыре неуда за четверть. А про шишку я уж и не говорю!

— Про какую шишку?

— Про мою. Которую ты мне вчера на перемене посадил. За такие шишки не то что на черепахе...

— Глупости! Шишка не считается.

— Как не считается, когда она у меня до сих пор, как картошка?!

— Все равно не считается. И неуды... тоже не считаются!

— Неуды не считаются? А что тогда считается?

Но Коля Павлов только пожал плечами.

— Надо придумать что-нибудь необыкновенное, — решил он. — Считается только необыкновенное. Каждый пусть необыкновенное придумает — вот и все. И — конец! Полетим на аэроплане, как умные.

Но ребята только отмахивались. Что уж тут о необыкновенном думать, когда третья „Д“ по прогульщикам первая! Это раз. И у Иванова всегда уши грязные: всю группу портят — это два. Да и „неуды“, по правде сказать, не только у Коли Павлова, а у еще целого десятка — это три. И выходило, что прежде всего надо было приниматься за прогульщиков, нерях и лентяев, — это было четыре.

В воздухе то и дело мелькали поднятые руки. У каждого было свое предложение и каждому казалось, что его предложение, самое лучшее.

— Переписать тетрадки! С отстающими заниматься! Книжки беречь! Уши мыть! И руки тоже! Все мыть!

Коля Павлов долго писал что-то в своей тетрадке. Потом считал на пальцах. Потом что-то шептал себе под нос. И наконец тоже поднял руку, как все. И крикнул громко, очень громко, громче всех:

— Придумал! Все необыкновенное буду делать сам! Плакаты! Газету! Картинки! Десять картинок про все, что надо! Мышь поймаю!

— За-а-чем мышь? — перепугалась Женя Блейх.

— Для живого уголка! И сушеную ящерицу принесу. А вы можете уши мыть да тетрадки переписывать, сколько влезет! И потом... потом... — Коля задумался на одну самую коротенькую минутку. Но только на одну минутку. — И потом объявляю себя боевым отрядом имени... имени...

И переводя дух, гаркнул уже во все горло:

— Имени товарища Димитрова!

— Кого? Кого? — загалдели ребята со всех сторон. — Какого Димитрова?

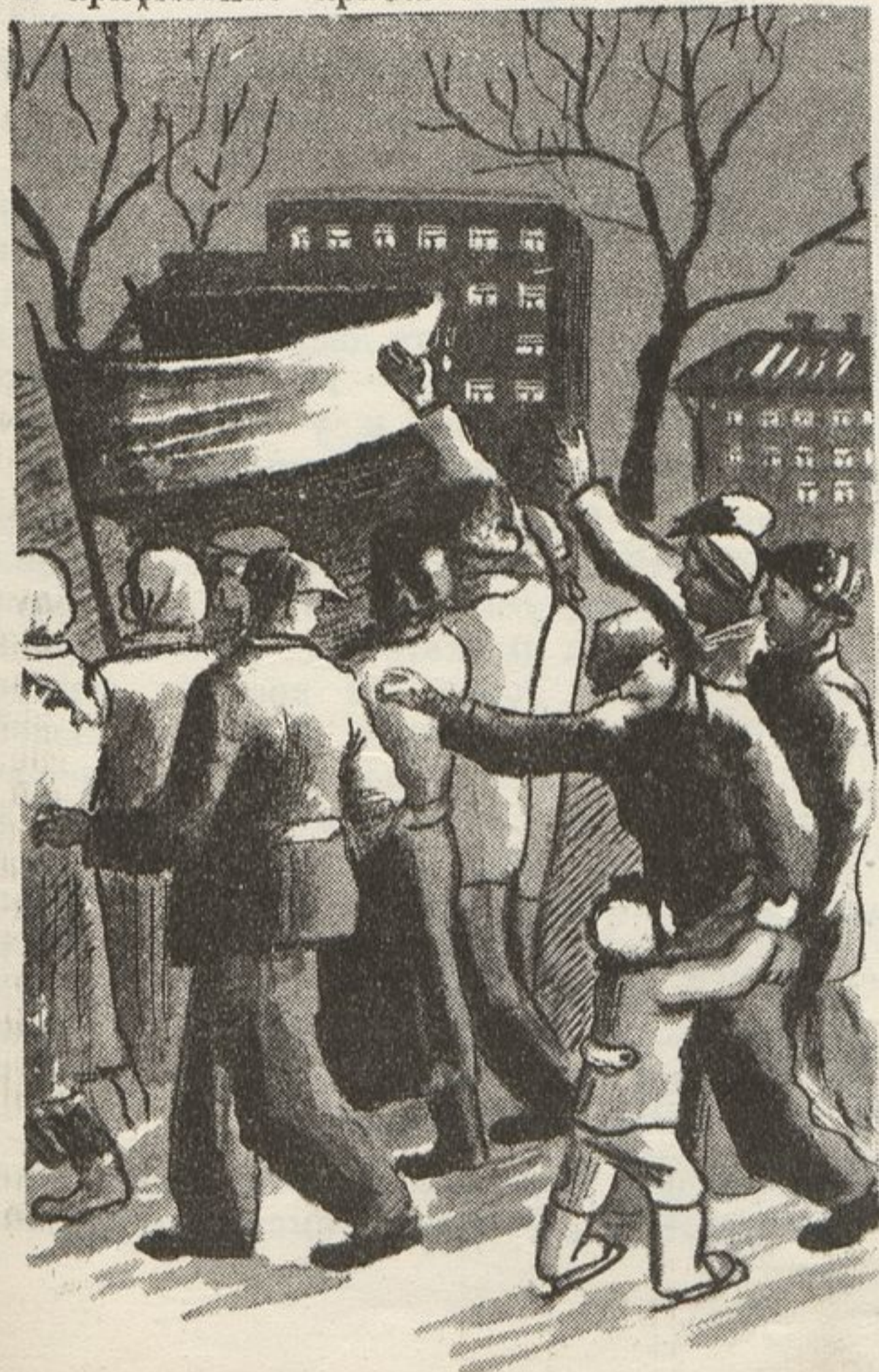
— А вы что? Забыли? — Коля возмутился. Заграничный товарищ Димитров, который в тюрьме у фашистов. Храбрый... как.. как... И Павлов заднулся на полуслове.

Но ребята и сами вспомнили товарища Димитрова. Они вспомнили все: и его стойкость, и храбрость, и его смелые речи на суде. Ребята вспомнили все, и гул одобрения встретил это имя стойкого коммуниста.

Женя Блейх высоко подняла руки и хлопала первая. Ее дружно поддержали и остальные, и весь класс захохотал веселым шумом, бурными хлопками и дружными криками. А Павлов заулыбался и задрал голову повыше, хотя и знал хорошо, что хлопают не ему, а заграничному товарищу Димитрову.

2

Первое время „боевой отряд“, и он же, Коля Павлов, вел себя как нельзя лучше. Уши у „боевого отряда“ были чистые, тетрадки чистые, руки чистые. Даже шея и та была совсем приличного цвета. Сушеная ящерица прибыла тоже в свое время. Но на сушеной ящерице все кончилось. Избавиться от „неудов“ оказалось куда труднее. И как ни размахивал руками, как ни кричал Коля Павлов, а к „неуду“ по арифметике прибавился как-то нечаянно

„неуд“ по письму, к „неуду“ по письму — „неуд“ по родному языку. Ребята ходили за Павловым и ныли разными голосами:

— Не отряд ты, Павлов, а свинья! Опять неуд заработал. Этак мы опять дальше клячи не уедем.

Но Павлов ходил, задрал голову, и не отвечал ни на какие вопросы.

— Ты хоть бы товарища Димитрова пожалел, — жалобно причитала Женя. — Ты думаешь, ему это приятно? Узнал бы он про тебя...

— А ты ему напиши, — издевался Коля.

— И напишем!

— Сегодня же и садитесь.

— Не мы, так Лидия Михайловна напишет. Узнает он, как мы из-за тебя на клячу садимся, он тебя поблагодарит.

— Ай-ай, как страшно! Да ему ваших писем и передавать не будут.

— А вот увидимь!

— А вот увижу!

Так или иначе, но „неуды“ твердо стояли по своим местам. И даже плакат, порученный Павлову, и вправду лучшему рисовальщику всей группы, не двигался ни на один шаг. Дома, нарисованные Женей Блейх, валились один на другой, а у двух человек, как ни старались над ними остальные художники, ноги были вывернуты на одну сторону. Коля Павлов только посвистывал да пожимал плечами. Ребята ходили сердитые, а дни бежали, торопились, спешили... Как вдруг 27 февраля...

В этот день Коля Павлов и совсем не ходил в школу. Назавтра у него был все равно выходной, стоило ли беспокоиться из-за какого-то одного дня? Вечер был синий, снежный. Коньки были отточены надиво. Щекам было жарко от движения и ветра. Словом, Павлов чувствовал себя превосходно. А завтра опять отдых! Опять каток! Опять снежные бабы! Катанье с горы! Драка с соседскими ребятами! И, может быть, даже кино, если удастся раздобыть денег. Павлов даже рассмеялся вслух. А ребята хотели, чтобы он сидел весь день над плакатом. Это в выходной-то день?! Он — Павлов?!

И вдруг... И вдруг из синего вечернего тумана громко-громко запела труба. Трубы и раньше не раз пели здесь, на этом Ленинградском шоссе, на этом белом заснеженном аэродроме. Но сегодня ее медный голос был таким праздничным, таким веселым, что Коля Павлов невольно остановился, как вкопанный. Уцепившись рукой за телеграфный столб, он вытянул шею и прислушался.

Ту-ту-ту! — пела в морозной мгле веселая труба.

Трам-та-та-там... — стучали невидимые еще барабаны, а тысячи человеческих голосов пели такую радостную песню, так широко и гулко выкрикивали раскатистое „ура“, что оставаться на месте не было никакой возможности.

И, оттолкнувшись от шоссе, Коля птицей понесся навстречу трубе и песне.

Шоссе само убежало под острыми, как ножи, коньками. Яснее становилась песня. Громче труба. Радостней крики. И вот уже каждое слово звучит раздельно и понятно. И Коля слышит каждое это слово.

— Да здравствует товарищ Димитров! — кричит веселая толпа.

— Какой Димитров? Дядевка, какой Димитров? — спрашивает Коля, но ему не отвечает никто.

У входа на аэродром темно от народа. Снявши шапки, люди смотрят все в одну сторону и ждут. И Коля тоже снимает шапку и тоже ждет. И слышит, как колотится у него в груди сердце. Громче труб, барабанов. Громче самой громкой песни. Коле уже не надо спрашивать, какому Димитрову радуются так все эти люди. Он знает и сам, какому. Разве есть еще другой, которого встречали бы так праздничные трубы? Кто

был бы таким своим, таким дорогим, таким желанным гостем в этом городе?

И щекам Коли становится жарко-жарко, но на этот раз уже не от ветра и не от движения

3

Первым, кого Лидия Михайловна увидела в школе на другой день, был Коля Павлов. Он сидел на ступеньке лестницы и жадно прислушивался к каждому стуку. Лидия Михайловна от неожиданности даже отступила назад

— Ты зачем здесь в такую рань? Ты же выходной. Разве что-нибудь случилось? И... потом, что это у тебя на лице?

— Лидия Михайловна, я вас тут уже целый час жду. Я... того... я рисовать пришел.

— Ничего не понимаю. Почему непременно в выходной? И почему у тебя все щеки в желтом?

— Это ничего. Это краски. Я всю ночь трамваи рисовал. Я и спать не хотел... Я такой плакат придумал, такой... Только бы не опоздать И... потом, Лидия Михайловна, я по дробям еще заниматься хочу.

— Одумался?

— Одумался. Вы еще не знаете? В Москву-то ведь Димитров вчера прилетел.

— Не может быть! Да откуда ты взял?

— Честное слово! Честное пионерско: под салютом! Я оттого, Лидия Михайловна, и ночью сидел... И вдруг он к нам в школу приедет! Откроется эта дверь и... Димитров! А я — боевой отряд — и плаката нет, и группа на кляче, и у Жени шишка, может, еще не заросла, — почему я знаю...

Плакат у Павлова и в самом деле получился надиво. Но напрасно ребята ждали и на этот раз обычных автобусов и трамваев. Нет! На плакате был совсем чужой город. Чужой город, без красных флагов, без веселых школьников и бодрых людей. Посредине плаката было нарисовано черное страшное окно с железной решеткой, а за решеткой — у самых прутьев — чье-то бледное лицо. И две руки в тяжелых-тяжелых оковах. А внизу — подпись большими и яркими буквами: „Здесь сидел товарищ Димитров. Они думают, что они победят, но победил он. Теперь Димитров с нами! Да здравствует Димитров!“

А вечером и до самой ночи лучший ученик третьей „Д“ Боря Лиманов терпеливо

объяснял Коле сложную премудрость простых и десятичных дробей. Нос у Коли был в краске, пальцы в чернилах, но глаза смотрели упрямо и твердо.

— Ничего, одолею,—шептал он.— Не сядем на черепаху, не бойтесь... Не подведем.

А через два дня в редакции газеты получилось письмо из этой самой одиннадцатой школы Краснопресненского района:

„Шлем вам школьный привет, дорогой товарищ Димитров, и очень просим вас прийти к нам в гости. Мы хотим быть такими, как вы. Мы знаем, что для того, чтобы быть такими, как вы, надо учиться. Мы обещаем учиться на „хорошо“ и „отлично“. И обещаем еще исправиться. У нас были разные неприятности. И теперь мы не на черепахе, а на автомобиле. А в следующую четверть полетим на аэроплане, как летели к нам вы. И еще у нас был боевой отряд имени Димитрова, то есть не целый отряд, а только один мальчик. А теперь мы все хотим быть имени Димитрова и будем стараться, чтобы заслужить это“.

Дождик

Стихи Е. Благиной

Дождик, дождик, не дожди,
хоть часочек подожди.

Прыгни, прыгни, солнышко,
на мое оконышко!
Погляжу-ка побегу,
что творится на лугу.

Я бегу — бегу — бегу,
Вижу — лужа на лугу.

Постою-стою-стою
возле лужи на краю,
загляну-гляну-гляну
в голубую глубину.

Вот так лужа — глубока!
А на дне-то — облака!

Я не верю все равно,
что далеко в луже дно!
Это просто облака,
потому и глубока!

АВСТРИЙСКИЕ РАССКАЗЫ

А. Гринберг
Рисунки Ф. Малаева

1. Всеобщая забастовка

В главный австрийский город Вену пришло сообщение:

„В городе Линце бои фашистов с рабочими. Сорок убитых. Помогите! Бастуйте!“

Тогда рабочие остановили машины на предприятиях. По телефонам пошла шифрованная весть во все венские районы и в австрийские города: „Карл заболел“. На самом деле это означало: „Всеобщая забастовка объявлена“.

На венскую электростанцию вбежал посланный и закричал членам завкома: — Выпускайте пар из котлов!

Было без пяти минут двенадцать.

Станция перестала работать.

Посре и улицы остановились трамваи.

Коммунисты выпускали листовки:

„Вооружайтесь! Организуйте красную гвардию! В бой за советскую Австрию!“

Тогда громкоговорители на площадях и в домах вдруг сказали:

„Детей в школу не посылать, на улицу не выпускать“.

2. Предатели

Но меньшевистские вожди стали отдавать приказы:

„Трамвайщикам выйти на работу.

Печатникам пустить машины.

Бастующим рабочим тихо разойтись по домам, сидеть со своими семьями“.

Рабочие из боевых дружин кричали:

— Где наше оружие?

Но меньшевики не отвечали. Они скрывали от дружинников оружие, потому что они не хотели воевать с фашистским правительством.

Так прошел день.

И вдруг в рабочем доме увидели с вышки: железные дороги работают.

Значит, забастовка сорвана!

Поезда подходят к Вене.

Значит, фашистам подвезут оружие!

Кто-то прибежал и показал фашистскую газету.

Значит, типографии работают.

Значит, меньшевики предали рабочее дело!

3. Рабочий городок имени Карла Маркса

Войска и фашисты осаждали рабочие дома.

Рабочие вооружались, как могли. В дом имени Карла Маркса они доставили пулемет подземным ходом.

Над домами летали полицейские самолеты и сбрасывали зажигательные снаряды. Дома горели. Жены рабочих лили из окон кипяток; они бросали из горшков горячие угли. Дети подносили матерям камни. Матери целились сверху в солдат и фашистов.

Но фашисты и войска ползли в дома на броневиках. Они взрывали ворота ручными гранатами. Рабочие дрались с ними на площадках лестниц врукопашную. Рабочие не пускали их в комнаты и в двери. Женщины делали баррикады из мешков с песком, из мешков с углем из мешков с картофелем, из шкафов и сундуков. Дети тащили на баррикады железные ведра и тазы.

Повстанцы не ели и не спали сорок восемь часов. Шестьдесят часов.

Рабочий дом Маттеоти дал знать в рабочий штаб:

„Больше не можем держаться. Пришлите подкрепление“.

Тогда штаб послал вестового в дом Герты с приказом:

„Пробраться к дому Маттеоти“.

Но вестовой не добрался до дома Герты: он упал по дороге под обстрелом.

В районе Деблинг навстречу фашистам выбежал мальчик. В руке у него был револьвер. Он кричал и стрелял, потому что его отец был уже убит и его брат был убит. В кармане у него еще лежала картофелина, которую ему дала утром мать. Ему было двенадцать лет. Фашисты разбили ему голову прикладом.

У войск были пушки. Они стреляли в рабочие дома, как на войне. В доме Карла Маркса рухнула башня. Она называлась „голубая башня“. Оконные рамы вываливались во двор. Снаряд разорвал газовую трубу. Газ стал ползти по дому. Рабочие стреляли, задыхались и падали. Солдаты ворвались. Но один рабочий из боевой дружины успел пустить в небо ракету, сигнал другим районам: „Борьба продолжается“.

4. Пожарник Вейссель

В венском пригороде Флорисдорфе рабочих было восемьсот человек. Против них сражались пять тысяч солдат и фашистов. Рабочие обшили жестяными листами грузовики из-под мусора и поставили на них пулеметы.

Пришло известие:

„В Линце рабочих разбили. Из Вены выехал в Линц палач. Казнили дружинника Вулгари. Повесили сапожника. Сапожник перед виселицей кричал: „Да здравствует мировая коммуна!“

Тогда подростки Флорисдорфа сделали из тряпок чучела австрийских правителей, Дольфуса и Фейя, и развесили их за шею по Флорисдорфу, на деревьях.

На телефонных проводах во Флорисдорфе лежало красное знамя с серпом и молотом. Комсомольцы Флорисдорфа издавали „Баррикадную газету“.

Есть флорисдорфцам было нечего, потому что у них не было денег. В одном отряде было все семьдесят безработных. Они сложились. Всех денег хватило только на шесть хлебов.

Флорисдорфским рабочим помогала пожарная дружина Георгия Вейсселя. Войска пустили против дружины удушливые газы. Отравленные пожарники падали, фашисты закалывали их штыками. Пожарников было всего шестьдесят человек.

Когда Вейсселя привели на суд, судья спросил:

— А почему вы сдались?

Он думал, что Вейссель на суде смирится. Но Вейссель ответил:

— Потому что нас было слишком мало.

Потом Вейссель сказал:

— Я жалею только об одном: у нас было очень мало оружия.

Тогда судьи вынесли приговор: „Повесить!“

Но возле виселицы Вейссель успел крикнуть: „Да здравствует советская власть!“

5. Повстанцы

Флорисдорфцы сражались четыре дня. Потом они с боем ушли из Вены. Их было семьдесят человек. Они шли с тремя пулеметами, с винтовками и ручными гранатами, — лесом, горами, в снегу. За ними бежали на хороших лыжах альпийские егеря; над ними летели полицейские самолеты и обстреливали их сверху.

Они пробивались к чехо-словацкой границе.

Они ели снег, потому что больше есть им было нечего. Когда они дошли до границы, их осталось всего сорок семь человек, потому что остальные упали и умерли.

Чехо-словаки спросили их:

— Что теперь будете делать?

Тогда повстанцы ответили:

— Хотели добраться до Советского союза. Научиться у них, как делать дальше революцию.

А самый молодой повстанец выпил воды и сказал очень тихо, потому что он давно не спал и давно ничего не ел. Он сказал:

— Хотелось бы когда-нибудь пройти с ними парадом в Москве, на Красной площади!

Прошел месяц. Еще тринадцать австрийских рабочих добрались до чехо-словацкого города Праги.

Они прошли, не останавливаясь, в редакцию коммунистической газеты и сказали:

— Мы больше не верим меньшевикам. Примите нас в компартию.

А самый веселый крикнул:

— Таких, как мы, товарищи, теперь много!

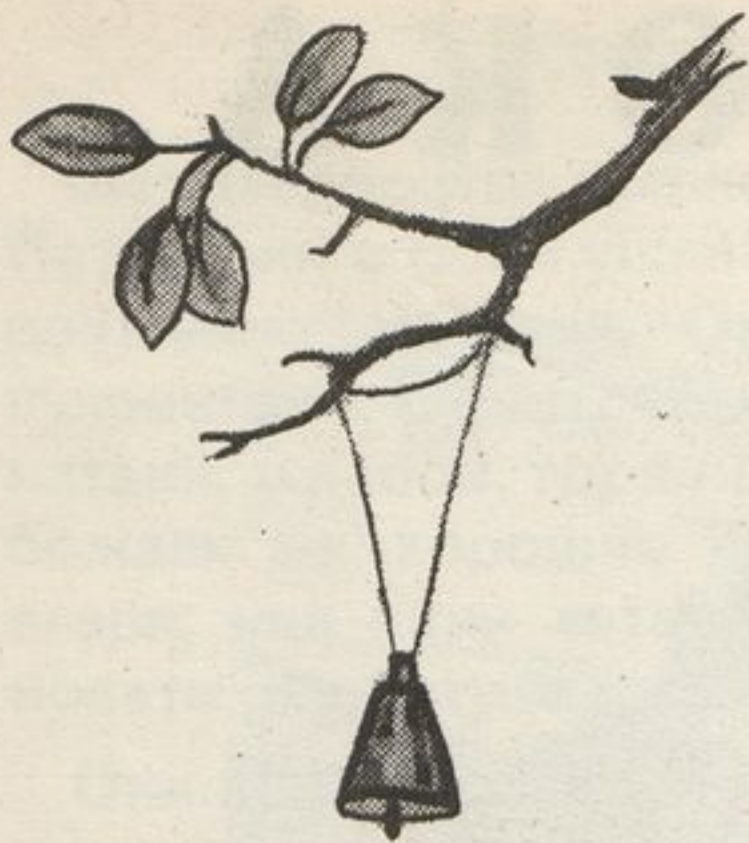
Вся Москва готовится к встрече челюскинцев. Их ждут в середине июня. К их приезду выйдет специальный номер нашего журнала. Ты там прочтешь, как жили челюскинцы на льдине, как их спасли.

СТИХИ А. БЛОКА

ВОРОНА

Вот ворона на крыше покатой,
так с зимы и осталась лохматой...
А уж в воздухе — вешние звоны,
даже дух занялся у вороны...
Вдруг запрыгала вбок глупым скоком,
вниз на землю глядит она боком:
что белеет под нежною травкой?
Вон желтеют под серою лавкой
прошлогодние мокрые стружки...
Это все у вороны — игрушки.
И уж так-то ворона довольна,
что весна, и дышать ей привольно!..

САМЫЙ ХРАБРЫЙ ЗВЕРЬ

Рассказ В. Бианки
Рисунки В. Губина
и Л. Голованова

За яблонями смотреть в нашем колхозе поставлены ребята. Ребята деревья от червя берегут, землю удобряют.хлопот у них много. Зато и яблоки рождаются хороши. Особенно на одном дереве.

И как раз с этой-то самой сладкой яблоней случилась беда: повадился к ней по ночам неизвестно кто — и кору гложет.

Сад-то у нас за деревней, под самым лесом, а в лесу разные звери живут, падкие до сладкой коры.

Собрались ребята в кружок: как быть? Как зверя от яблони отвадить?

Манька подала совет: караулить надо.

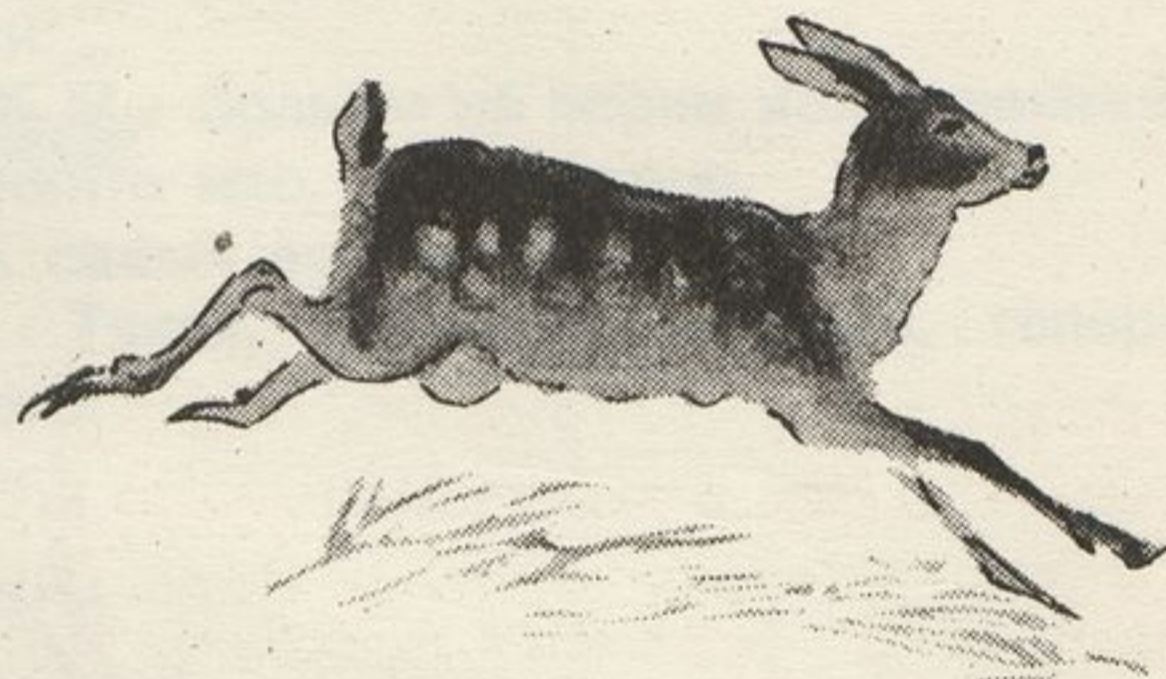
А уж где там ночь сидеть, караулить: как раз сенокос — самая страда. К вечеру в колхозе все, от мала до велика, еле ноги таскают. Только бы до постели.

Пашка придумал: капкан достать, поставить под яблоней.

Капкана в колхозе не нашлось.

Ганька сказал:

— Стой, ребята. Дикий зверь, он робкий. Он человека боится, даже медведь. Мы вот что сделаем: такого сторожа поставим, чтобы всю ночь караулил и голос подавал. Чтобы звери думали: тут человек. Сейчас вам доставлю такого сторожа.

Ганька слетал в избу, принес колокольчик на веревочке. Все гурьбой повалили в сад. Ганька веревочку на нижнюю ветку яблони накинул, колокольчик повис в воздухе. И чуть ветер, — дилинь-дилинь-дилинь... — зазвенит, зазвенит колокольчик звонко-звонко.

Вечер настал. Ребята все по избам разошлись, легли спать. Взрослые потушили огни, тоже заснули. Тихо стало в деревне.

Выскочил из-под куста заяц.

Прыг-прыг-прыг, — поскакал по саду.

Ветерок налетел и вдруг — что это?

Присел заяц. На дыбышки привстал. Ушами над головой туда-сюда: слушает.

Дилинь-дилинь-дилинь... — от яблони.

Очень страшно.

Прыг-прыг-прыг, — скорей заяц назад в лес.

Чек-чек-чек — копытцами: бежит козуля из лесу — прямо к яблоне.

Дилинь-дилинь-дилинь...

Что такое?

Сгала козуля. Ушки наставила: звенит что-то, Страшно.

Повернула и — чек-чек-чек — побежала назад в лес.

Топ, топ, топ... — ступает по лесу лось великаном.

Рога — как орлиные крылья.

Дошел до опушки. Стал. Слушает.

Дилинь-дилинь-дилинь...

Звенит в саду.

Опасно... Лось повернул, пошел назад в лес.

Утром прибежали ребята к яблоне, — целехонька стоит, никто кору не тронул.

Ганьку на руках качали.

Сенокос прошел спокойно. Уже выехали в поле тракторы: хлеб снимать.

Бац, опять беда! Опять кто-то к яблоне ходит, кору гложет.

Ребята даже струхнули: уж если колокольчик не боится, видать, страшный зверь, отчаянный. Чем его отвадить?

Ганька совет подал: караулить надо.

Пашка прибавил: с дрекольем.

А Манька: с ружьем.

Сделали шалашку в саду. Засели на ночь с дрекольем, с ружьем.

Ночь пала темная. Тихо в саду. Только ветерок шелестит и колокольчик — дилинь-дилинь-дилинь.

Ребята сидят, слушают.

В самую полночь вдруг — тихонько так:

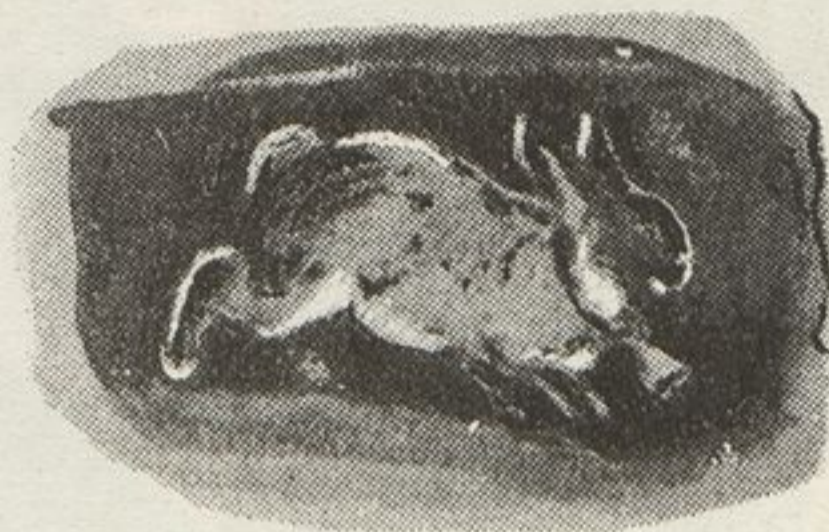
Хруп, хруп, хруп... Слышно — кору кто-то гложет, хрупают.

Ба-бах! — грохнул Ганька из ружья нивесть куда.

Полыхнул огонь из шалаша, и ребята гурьбой за ним к яблоне, с криком и гиком.

Добежали и остановились: никого под яблоней. Совсем тихо кругом. И вот чудо: в стороне где-то, в темноте — дилинь-дилинь-дилинь — колокольчик.

Ребята за ним: „Держи! Держи!“ С дрекольем.

Колокольчик прямым ходом через кусты и канавы — в деревню.

Ребята за ним по дороге.

Колокольчик к первой избе, под крыльцо — и замолк.

Перед крыльцом одна дыра — с горшок.

Ребята принесли огня, заглянули: трус¹ под крыльцом сидит, и на шее у него — колокольчик. Видно, свалился ему на уши с ветки и повис на веревочке. Самый храбрый зверь оказался.

Трус к человеку привык, ему и колокольчик не страшен.

¹ Кролик.

ЛИСЕНОК

*Стихи З. Александровой
Рисунки Р. Барто*

Из-за елки чей-то глаз
загорелся и погас.
Чей-то хвостик-огонек
промелькнул через пенек,
через гриб, через ручей.
Чей?

У сосенок, у сосенок
на три лапки встал лисенок.
Когда прыгал черзз гриб,
он четвертую ушиб,
отряхает с лапки мох.
Ох!

Как теперь такой хромой
побежишь к себе домой?
Не догонишь даже мышь,
не спугнешь синички — кыш.
Шшш...

Поднял ушки высоко:
где-то пахнет молоком.
Все забыл и за кустом
заметает след хвостом.
Глупенький, куда, куда?
В лужице одна вода.
Да!..

ПИОНЕРСКИЙ ЗОРКИЙ ГЛАЗ

И нам в редакцию на-днях пришел пионер.

— Вы знаете, откуда я иду? — весело закричал он.

Мы посмотрели на пионера: у него в руках был дорожный мешок, на сапогах у него были следы глины, а щеки у него были круглые и красные.

Откуда ты идешь, мы не знаем, — сказали мы, — а что ты недавно приехал в Москву из колхоза — это сразу видно: такие щеки редко бывают у ребят в городе.

— Я был у наркома, — выпалил пионер, — у наркома земледелия.

— Не может быть! — удивились в редакции. — Что ты делал у наркома?

— Я был там не один. Нас было у наркома двадцать человек, все пионеры из разных районов СССР, и каждому из нас нарком подарил по поросенку.

— А ты не выдумываешь? — спросил редактор. — По поросенку? За что?

— Ну, это он говорит неправду, — сказал секретарь.

— Неправда? А вот и правда! — рассердился пионер. — Мы рассказали наркому, как ребята берегут телят и поросят, и ягнят, и жеребят. И нарком с нами советовался, как делать, чтобы ребята всего Союза помогали растить молодых животных. „Пусть пионерский зоркий глаз, — сказал нарком — поможет растить молодняк“. Нарком обещал написать об этом письмо всем школьникам и пионерам. А я рассказал наркому про бычка Борьку.

Это было так интересно, что мы попросили пионера рассказать и нам про Борьку, попросили хором.

Он рассказал так живо, что художник сразу нарисовал портрет Борьки, а рядом с ним самого пионера.

— А я напишу рассказ про твоего бычка, — вызвался писатель.

Портрет бычка мы успели поместить на обложке, а писатель принес нам рассказ, когда журнал уже печатался. Рассказ вы прочтете в шестом номере.

Письмо Наркома Земледелия напечатано в газете „Пионерская правда“ от 4 апреля.

Редколлегия: Асеев И., Барто А., Маршак С., Смирнова В., Степанова А., Шифрин И.

Ответств. редактор Н. Венгров.

Оформление Веретенникова В.

Уполном. Главлита № Б—36622

Заказ 862

Тираж 130 000

Типография изд-ва „Крестьянская газета“, Москва, Сушевская, 21.

Рисовал обложку Трошка, вышла странная обложка.

1. Мы такого на сосне
не увидим и во сне!
2. А береза какова?
Тоже Трошка рисовал.

3. Трошка, видимо, насмешник —
полюбуйся на орешник!
4. А мать-мачеха цветет
разве так из года в год?

Объясни скорее Трошке, что напутал он в обложке!